

соотношение власти и народа? Могли ли Екатерина, или Пугачев, или Марат, Робеспьер, или кто другой выразить волю народа? Идея «общественного договора», в принципе разделявшаяся Радищевым, привлекавшая молодого Толстого, уже не могла быть опорой для толстовских героев, появившихся в творчестве писателя в 50—70-е гг. В «Войне и мире» Толстой с проницанием опишет настроение Пьера Безухова, оказавшегося в Слободском дворце: «Он был в волнении: необыкновенное собрание не только дворянства, но и купечества — сословий, états généraux — вызвало в нем целый ряд давно оставленных, но глубоко врезавшихся в его душу мыслей о Contrat social и французской революции. Замеченные им в воззвании слова, что государь прибудет в столицу для *совещания* с своим народом, утверждали его в этом взгляде. И он, полагая, что в этом смысле приближается что-то важное, то, чего он ждал давно, ходил, присматривался, прислушивался к говору, но нигде не находил выражения тех мыслей, которые занимали его».²⁴

Ни Екатерина, ни Пугачев, никакой другой «узурпатор», по мнению Толстого, в какую бы он тогу ни рядился, не может быть выразителем «воли масс». «... для того, чтобы определить, какая сторона деятельности исторического лица выражает волю народа, — пишет Толстой, — нужно знать прежде волю народа».²⁵ Пример такого народного представительства, единства интересов исторического деятеля и народа Толстой показал в образе Кутузова. Действия Кутузова, его воля соотносимы с действиями, волей масс. Кутузов — герой особого исторического периода в жизни России, в котором оказались возможны значительные общественные преобразования. Относительный успех в деятельности князя Андрея, Пьера Безухова и бесплодность усилий Александра I, Сперанского, разыгрывавших роль государственных деятелей, также отражает толстовское понимание условий эпохи, унаследовавшей идейный груз правления Екатерины II и Павла I.

Князь Андрей и Пьер Безухов в разной степени вскормлены «временами Екатерины». Их связи с прошлым веком более явно, чем в окончательном тексте, прослеживаются при изучении творческой истории того и другого образа. В первой редакции «Войны и мира» Толстой писал о князе Андрее, что он «воспитан в воспоминаниях века Екатерины».²⁶ По этой же редакции видно, что разногласия между Пьером Безуховым и князем Андреем касаются вопросов, рожденных «временами Екатерины» и французских энциклопедистов. Князь Андрей, писал Толстой, «понимал мысль Pierr'a, состоящую в том, что конституция не может быть даваема сверху, что такая конституция будет только

²⁴ Там же, т. 11, с. 91.

²⁵ Там же, т. 12, с. 311.

²⁶ Там же, т. 13, с. 332.